

Научная статья

УДК 316.473

JEL Z1

DOI 10.25205/2542-0429-2021-21-4-175-186

Стыд и нормативные ожидания в отношении чтения в восприятии научных сотрудников

Элла Михайловна Жесько¹
Ирина Александровна Чудова²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

² Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ emzhesko@gmail.com

² dauza@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2192-8946>

Аннотация

Осуществляется попытка рассмотреть эмоциональное восприятие и нормативную ориентацию в чтении с акцентом на такой эмоции как стыд. Чтение составляет значительную часть повседневности научных сотрудников, при этом, очевидно, вокруг и по поводу чтения существует ряд социальных норм. В процессе исследования было сформулировано предположение, что актуальные для читателя нормативные ожидания способны создавать почву для переживания стыда. Феноменологический анализ интервью и материалов фокус-групп с научными сотрудниками позволил нам выявить поводы для стыда в отношении профессионального и досугового чтения в привязке к нормативным ограничениям, некоторые объяснения этого переживания, а также связанные с этим особенности мотивации к чтению. Переживание стыда в отношении чтения исходит из восприятия научным сотрудником самого себя в рамках модификации чтения и соответствующих ей нормативных ожиданий – так, проявление стыда было зафиксировано в рассуждениях как о рабочем, так и о досуговом чтении. Обнаружилось, что чтение и научной, и досуговой литературы воспринимается научными сотрудниками в качестве их статусной обязанности, в этой связи его «недостаточность» становится ключевым поводом для переживания стыда.

Ключевые слова

социология чтения, восприятие чтения, нормативные ожидания, стыд, чтение в академической среде, профессиональное чтение, досуговое чтение

Для цитирования

Жесько Э. М., Чудова И. А. Стыд и нормативные ожидания в отношении чтения в восприятии научных сотрудников // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21, № 4. С. 175–186. DOI 10.25205/2542-0429-2021-21-4-175-186

© Жесько Э. М., Чудова И. А., 2021

Shame and Normative Expectations about Reading in Perception of Scientific Workers

Ella M. Zhesko¹, Irina A. Chudova²

¹ National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation

² Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ emzhesko@gmail.com

² dauza@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2192-8946>

Abstract

The article attempts to consider emotional perception and normative orientation in reading with an emphasis on such emotions as shame. Reading is a significant part of the daily lives of researchers, and obviously there are a number of social norms around and about reading. In the course of the research, an assumption was made that the normative expectations relevant to the reader are able to create a ground for experiencing shame. Phenomenological analysis of interviews and focus group materials with researchers allowed us to identify reasons for shame about professional and leisure reading in relation to regulatory constraints, some explanations of this experience, as well as related features of motivation to read. The experience of shame in relation to reading comes from the perception of the researcher himself in the modification of reading and the corresponding normative expectations – so, the manifestation of shame was recorded in discussions about both work and leisure reading. It turned out that reading both scientific and leisure literature is perceived by researchers as their status duty, in this regard, its "inadequacy" becomes a key reason for experiencing shame.

Keywords

sociology of reading, perception of reading, normative expectations, shame, reading in an academic environment, professional reading, leisure reading

For citation

Zhesko E. M., Chudova I. A. Shame and Normative Expectations about Reading in Perception of Scientific Workers. *World of Economics and Management*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 175–186. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0429-2021-21-4-175-186

Чтение как неотъемлемая часть современной культуры и доминирующего способа сохранения и передачи информации изучается преимущественно с вниманием к его количественным аспектам и в отношении чтения досуговых текстов. Мы полагаем, что наряду с тем, что и сколько люди читают, не менее значимо и то, какие переживания они испытывают по этому поводу. Нами была предпринята попытка рассмотреть прежде обделенный вниманием как отечественных, так и зарубежных исследователей аспект чтения – эмоциональное восприятие чтения теми, кто вынужден делать это в рамках и в контексте своей профессии, а именно научных сотрудников, поскольку их повседневность связана с чтением и созданием текстов.

Эмоции в данной работе понимаются как сложное, содержащее как биологические, так и социальные компоненты явление, обстоятельства переживания и способы выражения которых люди усваивают в процессе социализации. Осознание собственной идентичности как профессионала актуализует спектр эмоций, среди которых особой выразительностью обладает стыд. Практики чтения в ракурсе рассмотрения переживания эмоции стыда предстают перед нами насы-

щенными нормативными ожиданиями и представлениями, а мотивы к чтению – во многом связанными с институциональным членством.

В качестве эмпирического объекта в нашем исследовании были выбраны научные сотрудники как «профессиональные» читатели, поскольку повседневность этих людей связана с чтением не только в качестве досуга, но и в профессиональной жизни, что обуславливает, с одной стороны, широкий спектр его восприятия, с другой – повсеместность чтения и соответствующих нормативных ожиданий. Эмпирический материал представляет собой расшифровки 30 полуструктурированных интервью и 2 фокус-групп с научными сотрудниками Сибирского отделения Российской академии наук (СО РАН) и / или преподавателями Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ) точных, естественнонаучных и социально-гуманитарных направлений, в статусе аспирантов, закончивших аспирантуру и получивших степень кандидата наук. Период проведения исследования – 2018–2020 гг.

Стыд как социальная эмоция

Социологическое понимание эмоций не исчерпывается представлением об их биологической компоненте. Эмоции различаются: существует класс базовых эмоций, которые в общем ключе могут пониматься как ответ организма на воздействие стимулов внешней (в широком смысле) среды [1], наряду с ними существуют вторичные эмоции, содержащие черты нескольких базовых эмоций, переживание и выражение которых во многом зависит от культурной среды [2]. В процессе социализации люди приобретают навык выражать эмоции определенным образом и в определенных ситуациях, однако, несмотря на возможность и склонность человека управлять эмоциями, не всегда и не все из них поддаются контролю ввиду наличия биологической компоненты [3]. Сложность феномена эмоций, его встроенность в социально-культурную палитру в целом и в исполнение профессиональной роли в частности обосновалось в социологическом дискурсе с подачи А. Хохшильд в проведенном ею масштабном исследовании. Так, в работе А. Хохшильд эмоции обозначены как средство для ориентации в социальном мире, одновременно способ познания мира (в терминах автора, «подсказки») и исполнения социальных ролей [4].

Переживание стыда как одной из социально существенных эмоций оказывает влияние на поведение человека: усваивая принятые в обществе представления о «нормальном», человек чувствует в себе то, что может восприниматься другими как недостаток, соответственно и сам воспринимает его как недостаток. Это приводит к переживанию стыда и стремлению или скорректировать свое поведение так, чтобы скрыть то, что воспринимается как недостаток, избавиться от него, или как-либо еще избежать стыда [5]. Как вторичная эмоция стыд возникает в связи с осуществлением социального действия и при осознании культурного контекста. Переживание стыда возможно, когда человек воспринимает свой поступок или качество как нечто уступающее некоему референту или неприемлемое и ориентирован на существующего или предполагаемого внешнего наблюдателя. Известно понятие «культура стыда» (введенное Р. Бенедикт относительно культуры Японии [6]), подразумевающее следование в поведении

нормативным стандартам, приведение в соответствие своего поведения статусу и возложенным на него обязанностям.

Стыд в таком случае во многом связан с профессиональной идентичностью, восприятием своего социального статуса и представлением о том, как к нему должны относиться и чего ожидать другие. В целом несоответствие самовосприятия и представления о том, как человека воспринимают другие (или беспокойство о возможном несоответствии), приводит к переживанию стыда.

В настоящем исследовании мы обнаружили, что чтение встроено в нормативные ожидания участников образовательного и научного процессов, и это становится почвой для возникновения стыда – в то же время смещает акцент с собственных побуждений читателей на внешние необходимости. Читать необходимо, так как чтение встроено в правила деятельности института науки, вменено как профессиональная обязанность ученого, способно повлечь санкции и т. д. Нормативность чтения присуща учебным и рабочим ситуациям в науке, она сама по себе становится весомым поводом совершения практик [7], а отклонение или его возможное обнаружение вызывает стыд.

Оптика рассмотрения (практик) чтения

Неоднородность восприятия чтения научными сотрудниками требует различения обстоятельств чтения, для этого из библиотековедения было заимствовано понятие модификаций чтения – не зависящих от специфики конкретной культуры группировок практик чтения на основании их специфических свойств и качеств [8]. Модификации различаются в зависимости от обстоятельств чтения, по ряду характеристик, таких как специфические корпусы текстов, тематика и форматы изложения, виды носителей текстов; в зависимости от модификации различаются также практики, связанные с процессом чтения: его темпом, глубиной, уровнем понимания прочитанного, методиками.

Для различения наиболее значимых обстоятельств чтения научных сотрудников достаточно рассмотреть рабочую, учебную и досуговую модификации чтения. Таким образом, ниже анализируется переживание научными сотрудниками чтения «по работе» и «для себя» (досугового). В качестве нашего основного намерения в таком случае можно выделить определение обстоятельств и поводов переживания стыда научными сотрудниками в отношении модификаций чтения с учетом существующих нормативных ожиданий.

Для анализа высказываний информантов был выбран феноменологический подход, базирующийся на представлении о данности реальности через восприятие. Нас интересовало то, в какую форму информанты облачают рассуждения о практиках чтения, то, как они осознают свои практики и свое целеполагание, единственные и достоверные свидетельства миров и модификаций. Вслед за А. Шюцем в данной работе изучается обыденное знание, зафиксированное в транскриптах интервью.

Эмпирический материал – выражение информантами своего субъективного опыта и восприятия – рассматривается в качестве конструкций первого уровня [9]. Высказываясь, информанты транслируют конструкции здравого смысла, не выходя при этом за пределы естественной установки.

Читательские практики в самоописании научных сотрудников: стыдно не читать

В речи научных сотрудников стыдливость по отношению к идентификации себя с каким-либо статусом возникала в рамках рабочей модификации: ученый ориентирован на нормативный комплекс научного сообщества, к которому он себя причисляет. Вообще членство в научном сообществе предполагает чтение в качестве одной из профессиональных обязанностей ученого и условия, необходимого для осуществления научной активности в виде создания собственных публикаций. Так, в обстоятельствах рабочего чтения можно выделить такое значимое основание для стыда, как недостаточность профессиональной компетентности.

<...> как аспирант, не обладаю обширными познаниями, иногда просто стыдно, и боюсь что-нибудь ляпнуть где-нибудь, и тебе скажут: а разве ты не читал? Это вот здесь написано ¹ (м, аспирант, робототехника).

Такое восприятие может быть объяснено незавершенностью профессиональной идентификации и характерно для тех, кто еще на пути к статусу ученого. Стыд за недостаточную осведомленность встречается у аспирантов, которые характеризуют себя как «маленьких ученых» (м, аспирант, химия) и «[еще] полноценно не ученых» (ж, аспирант, биология).

Подобные суждения свидетельствуют о присутствии стыда за свою недостаточную профессиональную компетентность. Такое возможно при неуверенности в своем актуальном статусе, что особенно характерно для переходного периода обучения, когда компетентность нарабатывается, а формальное подтверждение статуса – научное звание – еще не получено.

Вообще в самоописании научных сотрудников подчеркнута установка на самостоятельное планирование, самоконтроль как общие принципы профессионального функционирования, и чтение оказывается одной из показательных в этом отношении практик. Внешнее принуждение к чтению, характерное, в частности, для студенчества, по мере продвижения в академической среде уступает место внутренней самоорганизации, что позволяет говорить о нарастании саморегуляции тех практик, которые соответствуют череде нормативных ожиданий.

Тогда [в студенчестве] я еще больше где-то халтурил еще, потому что был незрел по своему, и стремился где-то больше отдохнуть. Поэтому читал то, что надо было. Надо было экзамен сдать, и я понимал, что если я его не сдам, то мне будет очень плохо. Это в аспирантуре я не слышал, чтобы кого-нибудь там отчислили за несдачу экзаменов. В ВУЗе такое может быть (м, аспирант, история).

...я уже сейчас оторвался, так сказать, от необходимости быть ведомым, ну, и сам как бы, сам себе ставлю, круг чтения определяю сам себе, ставлю задачи и сам их пытаюсь решать, ну, а потом уже, конечно, согласую с коллегами на конференциях, в статьях это все выражается (м, аспирант, филология).

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация информантов сохранены.

Стыд, что читаешь недостаточно, обнаруженный нами в самоописании научных сотрудников, согласуется с нормативным ориентиром на необходимость чтения как профессиональную обязанность, которая вменена подспудно, контролируется опосредованно.

Я бы вообще [если бы не читала], я бы не опубликовалась, и какие-то были бы такие измышлизмы. Я вообще не представляю. Потому что читать – это ссылки, это сноски, это теория, это обзоры. А без обзора никак (ж, экономика).

Интересно, что стыд также связан с принадлежностью к научному сообществу, вернее, со стремлением к закреплению этой принадлежности, и это заметно в одном из самых типичных мотивов чтения в самоописаниях информантов. Речь идет о мотиве «читать, чтобы быть в курсе», который во всевозможных формулировках встречается в рассуждениях научных сотрудников о чтении.

Ну в науке же всегда что-то новое, то есть надо быть в курсе, и вообще развиваться (м, биолог, кандидат наук).

В таком случае стыд возникает, когда и если чтению современных публикаций уделяется недостаточно времени, – тогда «быть в курсе» удастся не в полной мере.

Это просто необходимость, потому что нужно всегда, скажем так, быть в тонусе, быть в курсе того, что люди публикуют по той или иной тематике, ну, плюс как бы расширять кругозор, если интересы смежные есть (м, математик, кандидат наук).

Подобный мотив к чтению характерен как стремление быть включенным во внутринаучную коммуникацию, поскольку чтение позволяет оставаться информированным относительно положения дел в области знания ученого. Немаловажно, что практики чтения сами по себе становятся основанием для прочих практик – создавать собственные тексты, включаться в научные проекты со знанием того, какие тенденции и белые пятна в науке существуют в определенный момент. Согласно G. Cervetti и P. D. Pearson, «профессиональные ученые используют работы других ученых, чтобы придать смысл своим собственным результатам и интерпретировать их в контексте соответствующих направлений» [10].

Нужно всегда быть в теме, для того чтобы понимать, как идет развитие в твоей области и так далее, куда ты можешь направить свою энергию, в какие-то новые проекты вписаться или еще что-то, нужно читать постоянно (м, историк, после аспирантуры).

Чтобы не повторяться, с одной стороны. И как-то рельефно показать свой результат, мне надо знать, а что пишут другие (ж, экономист, кандидат наук).

Ну, вообще читать научную литературу обязательно нужно всем и каждому, кто занимается в науке, кто является младшим научным сотрудником, старшим, это не важно как бы, потому что наука, **научно-технический прогресс, научное развитие, оно непрерывно во времени**, и если не интересоваться тем, чем занимаются люди, я не знаю, за океаном, условно говоря, **можно упустить какие-то моменты важные...** (м, математик, после аспирантуры).

Филиация и коллективный характер научного знания предполагают в качестве норматива для ученого осведомленность относительно текущего состояния, повестки, в этом контексте практики чтения проявляют себя как неотъемлемая составляющая профессии. Здесь мы также встречаемся с плотной связанностью

практик чтения и письма в науке, ярким примером чего является чтение и последующее цитирование публикаций коллег с надеждой на привлечение внимания к собственному тексту [11].

Учёный в вакууме существовать не может. Ему надо смотреть на то, какие достижения – не знаю, может быть, тысячу раз гениальные там. Ну, лично мне кажется, что время уже гениальных абсолютно учёных прошло, одиночек. То есть, ему надо общаться с обществом, с community. То есть, смотреть, кто там что сделал. Цеплять какие-то идеи. Потому что, ну, если есть возможность вовлечь чужие идеи в свою – почему нет? Это же ускорит, наоборот, работу и обмен данными (м, IT, после аспирантуры).

Мотивация к чтению в группе научных сотрудников, говоря в общем, имеет сложную организацию, однако в ней существенную роль играет то, что чтение считается профессиональной обязанностью и средством поддержания своей информированности и профессиональной идентичности и активности в научном сообществе². В отличие от мотивации студентов, мотивы научных сотрудников заметно больше связаны с самоорганизацией и самоконтролем, акцентирована их внутренняя мотивация. Можем заключить, что такая эмоция, как стыд, позволяет научному сотруднику сохранять и поддерживать свою активность в чтении – как для подкрепления своего статуса в глазах окружающих, так и для самоорганизации в реализации чтения.

Читательские практики в самоотнесении: стыдно не быть читающим

С досуговой модификацией чтения ситуация представляется едва ли не более глобальной – в вопросе чтения «для себя» актуализуется стыд недостаточности оснований для идентификации себя с образом «читающего человека», научные сотрудники могут избегать давать себе такую характеристику. Ответ на общий вопрос гайда «можете назвать себя человеком читающим?» фактически повсеместно был тематизирован как про чтение литературы «не по работе» и содержал неоднозначные суждения относительно самоотнесения.

Это такой стыдный вопрос, потому что, честно сказать, мне бы хотелось этого <...> Хочется быть интеллигентным, а значит – хочется быть и читающим. Но я не могу сказать, что я читающий. Время от времени я читающий... (ж, филолог, после аспирантуры).

Мы видим, что «читающий человек» – это больше, чем «человек, который читает». Это образ, за которым закреплён ряд характеристик, касающихся не столько практик чтения, сколько личностных достоинств человека. Высказывания информантов указывают на то, что недостаточно просто много читать, надо соответствовать особому образу Читающего, чтобы иметь основание идентифицировать себя с ним:

<...> читающий человек – это нельзя, наверное, раскладывать на два отдельных слова. Это уже некоторое слитное... термин. Читающий человек – тот, который увлечен чтением, в моем понимании. Я не такой (м, физик, кандидат наук).

² Также большой вес имеют мотивы к чтению, которые маркируются категорией интереса («читать – интересно»), переживаются как удовольствие от процесса чтения, саморазвитие и приобщение к Знанию.

Социальные ожидания, не обязательно существующие, но полагаемые таковыми налагают на читающего человека определенные обязательства, делают в восприятии научных сотрудников такой образ «сильным словом», которому «дорого» соответствовать. Этот образ, однако, воспринимается позитивно и имеет моральный оттенок (читающий человек – интеллигент!), что перекликается с восприятием и самовосприятием человека, занимающегося научной деятельностью. Следует отметить двойственность описанной ситуации, состоящую в том, что научные сотрудники, фактически являющиеся «учеными», и, соответственно, обладающие в восприятии себя и других «интеллигентностью», не обязательно обладают ею как «читающие люди», потому что не могут (затрудняются) оценить себя в качестве таковых. Эмоция стыда – испытываемая или демонстрируемая – свидетельствует о сложности соответствия сложившемуся образу и связанному с ним нормативному ожиданию.

<...> к большому стыду, в моей жизни художественная литература практически полностью отсутствует, т. е. как такового сесть и почитать уже не получается, да, стыдно, наверно, плохо, наверно, да, но ничего с этим поделать не могу, потому что, как правило, время если есть свободное, ты находишь, как бы, приоритеты расставлены так, что книга будет не на первом месте (м, химик, после аспирантуры).

Так, научный сотрудник должен быть начитан (стало быть, интеллигентен) ввиду своего профессионального статуса – в этом отношении происходит нормативное обобщение образа профессии научного сотрудника до личности. Следуя различению модификаций, отметим, что критерии читающего человека отличаются от критериев научного сотрудника хотя бы в пространстве модификаций чтения: научный сотрудник читает тексты научной модификации, а читающий в общем смысле человек – как правило, досуговую литературу. Примечательно, что в этом вопросе границы между модификациями оказались несущественными, поскольку и окружающие в восприятии научных сотрудников, и сами научные сотрудники воспринимают высокую вовлеченность не только в научное, но и в досуговое чтение как обязательную характеристику профессионального статуса и личности ученого³. Можно сказать, стыд в данном случае проявляет себя в качестве индикатора предполагаемого социального ожидания.

Векторы объяснения причин переживания стыда

При всем этом стыд относительно не-чтения рационализируется научными сотрудниками – они ищут объяснение причин своих переживаний как «вовне», конструируя образ социальных групп, «критиков», имеющих по отношению к ним нормативные ожидания, или делают то же самое «изнутри», обнаруживая этих «критиков» в себе. Рассуждения, рационализирующие переживание научным сотрудником стыда, нередко высказываются в терминах рабочей модифи-

³ В исследовании нам удалось обнаружить переживание стыда по поводу «недостаточности прочитанного», т. е. прежде всего количества прочитанного, частоты или регулярности чтения. На том, что именно читается, насколько читаемые тексты соответствуют образу ученого или интеллектуала, внимание не акцентировалось. Однако это может стать направлением для дальнейшего изучения.

кации как наиболее статусно значимой, в то время как стыд переживается и по отношению к досуговому чтению:

<...> если читать только такую [профессиональную] литературу, то в целом и речь, и тексты за пределами профессиональной деятельности становятся такими же штампованными, <...> и вот мой стыд отчасти, но не только поэтому, отчасти связан с этим. Я, моя собственная речь становится довольно косной из-за такого перекоса (м, химик, после аспирантуры).

Другое направление рационализации стыда состоит в конструировании в восприятии конкретных групп «критиков» как внешнего источника стыда:

<...> поколение постарше – много порицания лично в моем... случае спускалось по поводу того, что ты вот такой кривой-косой и не читал, и, в общем-то, ничего из тебя путевого не вышло, вот (м, химик, после аспирантуры).

Поиск «виновников» стыда может уводить читателя и вовнутрь, избирая в качестве «критика» идеализированное самовосприятие:

<...> меньше времени остается для чтения именно такого – захлеб, и когда ты, ну, чувствуешь стыд не перед собой, а перед тем ребенком, который обожал читать, а сейчас тебе просто некогда это сделать и некогда его порадовать (м, робототехник, аспирант).

Стратегии рационализации стыда, таким образом, ориентированы на представление читающего о нормативных ожиданиях, накладываемых кем-либо (сторонними наблюдателями или внутренним критиком) ввиду его профессиональной принадлежности и идентичности. Оба случая подтверждают представление о «всеобщем» позитивном образе читающих людей и чтения.

Увлечение чтением вне рабочей модификации, т. е. чтение помимо необходимого, наделяет читателя, согласно его представлениям, в восприятии других позитивными свойствами, и наоборот, если не читать, то «ничего путного из тебя не выйдет». Наш анализ показывает, что такое наделение личностными достоинствами и даже потенциалом читающего человека воспринимается не только как внешнее, присущее, например, «поколению постарше», оно интернализировано. Соответственно, читатели не только улавливают ожидание «интеллигентности» со стороны других, они ожидают ее и от себя, не всегда осознавая направленность переживания.

Заключение

Сама возможность анализа чтения как практики через обращение к сопровождающим ее эмоциям следует из неотделимости практики и ее восприятия, что отвечает выбранной нами феноменологической оптике изучения. Кроме того, спектр выявленных эмоциональных переживаний – в данном случае на примере стыда – делает видимой высокую нормативную ориентированность чтения научного сотрудника, поскольку переживание стыда возникает в связи со сравнением себя с референтом, воплощенным в восприятии как научное сообщество, или с идеализированным образом читающего интеллигента. Наше исследовательское внимание к переживанию эмоции стыда научными работниками проявило, что, рассуждая о чтении, поскольку это основная профессиональная активность, они рассуждали и о своем профессиональном пути, и о мировос-

приятии в целом, выходя за границы рабочей повседневности и преодолевая границы рабочей и досуговой модификаций.

Составляя значительную часть рабочей повседневности научных сотрудников, чтение показало себя как стезя для переживания стыда. Вовлеченность в научное и досуговое чтение – важная характеристика профессионального статуса ученого: научные сотрудники одновременно ожидают от себя соответствия некому идеализированному представлению о должном характере осуществления читательских практик и испытывают стыд по причине несоответствия собственным ожиданиям и предполагаемым ожиданиям окружающих.

Стыд, таким образом, проявляется и в отношении досуговой, и в отношении рабочей модификации чтения. Стыд обращен на внутренние качества читателя, в этом смысле он индивидуален и выражается в терминах идентичности и идентификации, но он возникает при воображаемом столкновении собственных качеств и достижений с подразумеваемым обобщенным Другим или носителем «всеобщих представлений». Вопрос эмоциональных переживаний в отношении чтения, безусловно, не исчерпывается стыдом. Научные сотрудники, рассуждая о чтении, упоминали также сожаление, скуку и удовольствие, что открывает возможности для дальнейшей разработки темы.

Представляется возможным очертить спектр вопросов, к которым отсылает стыд, в отношении той или иной практики: укладывается ли реализующий практику в рамки социальных норм, подходит ли под требования мира, достоин ли идентифицироваться с каким-либо статусом или образом. Анализ прочих характерных для практик чтения эмоций позволит более тщательно концептуализировать связь нормативных рамок, институциональных ожиданий и ориентаций в чтении, переживаний и их объяснений читающими.

Список литературы

1. **Scherer K. R.** What are emotions? And how can they be measured? *Social Science Information*, 2005, no. 44 (4), pp. 695–729.
2. **Bericat E.** The sociology of emotions: Four decades of progress. *Current Sociology*, 2015, no. 64 (3), pp. 491–513.
3. **Симонова О. А.** Социологическое исследование эмоций в современной американской социологии: концептуальные проблемы // Социологический ежегодник. 2009. № 1. С. 199–225.
4. **Хохшильд А.** Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2019. 392 с.
5. **Гофман И.** Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / Пер. М. С. Добряковой. М.: Социологический форум, 2001.
6. **Бенедикт Р.** Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 256 с.
7. **Norman R.** Practical Reasons and the Redundancy of Motives Source. *Ethical Theory and Moral Practice*, 2001, vol. 4, no. 1, pp. 3–22.
8. **Мелентьева Ю. П.** Общая теория чтения. М.: Наука, 2015. 230 с.
9. **Шютц А.** Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1994. С. 526–541.

10. **Cervetti G., Pearson P. D.** Reading, Writing, and Thinking Like a Scientist Source. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*, 2012, vol. 55, no. 7, pp. 580–586.
11. **Соколов М. М.** Российская социология после 1991 года: интеллектуальная и институциональная динамика «бедной науки» // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2009. № 1. С. 20–57.

References

1. **Scherer K. R.** What are emotions? And how can they be measured? *Social Science Information*, 2005, no. 44 (4), pp. 695–729.
2. **Bericat E.** The sociology of emotions: Four decades of progress. *Current Sociology*, 2015, no. 64 (3), pp. 491–513.
3. **Simonova O. A.** A Sociological Study of Emotion in Contemporary American Sociology: Conceptual Issues. *Sociologicheskij ezhegodnik*, 2009, no. 1, pp. 199–225. (in Russ.)
4. **Hochschild A.** The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Moscow, “Delo”, RANEPa, 2019, 256 p. (in Russ.)
5. **Goffman E.** Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Trans. by M. S. Dobryakova. Moscow, 2001. (in Russ.) URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (accessed 13.09.2021).
6. **Benedict R.** The Chrysanthemum and the sword. Patterns of Japanese culture. Moscow, ROSSPEN, 2004, 256 p. (in Russ.)
7. **Norman R.** Practical Reasons and the Redundancy of Motives Source. *Ethical Theory and Moral Practice*, 2001, vol. 4, no. 1, pp. 3–22.
8. **Melenteva Yu. P.** Theory of reading. Moscow, Nauka, 2015, 230 p. (in Russ.)
9. **Schutz A.** Concept and theory formation in the social sciences. In: *Amerikan-skaya sociologicheskaya mysl': teksty*. Moscow, 1994, pp. 526–541. (in Russ.)
10. **Cervetti G., Pearson P. D.** Reading, Writing, and Thinking Like a Scientist Source. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*, 2012, vol. 55, no. 7, pp. 580–586.
11. **Sokolov M.** Russian Sociology after 1991: The Intellectual and Institutional Dynamics of the “Poor Science”. *Laboratorium. Zhurnal social'nykh issledovaniy*, 2009, no. 1, pp. 20–57. (in Russ.)

Информация об авторах

Элла Михайловна Жесько, студентка магистратуры

Ирина Александровна Чудова, кандидат экономических наук, доцент

WoS Research ID ABG-5979-2020

RSCI Author ID 705010

SPIN 7727-4459

Information about the Authors

Ella M. Zhesko, Master Student

Irina A. Chudova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor

WoS Research ID ABG-5979-2020

RSCI Author ID 705010

SPIN 7727-4459

Статья поступила в редакцию 19.10.2021;

одобрена после рецензирования 26.11.2021; принята к публикации 26.11.2021

The article was submitted 19.10.2021;

approved after reviewing 26.11.2021; accepted for publication 26.11.2021